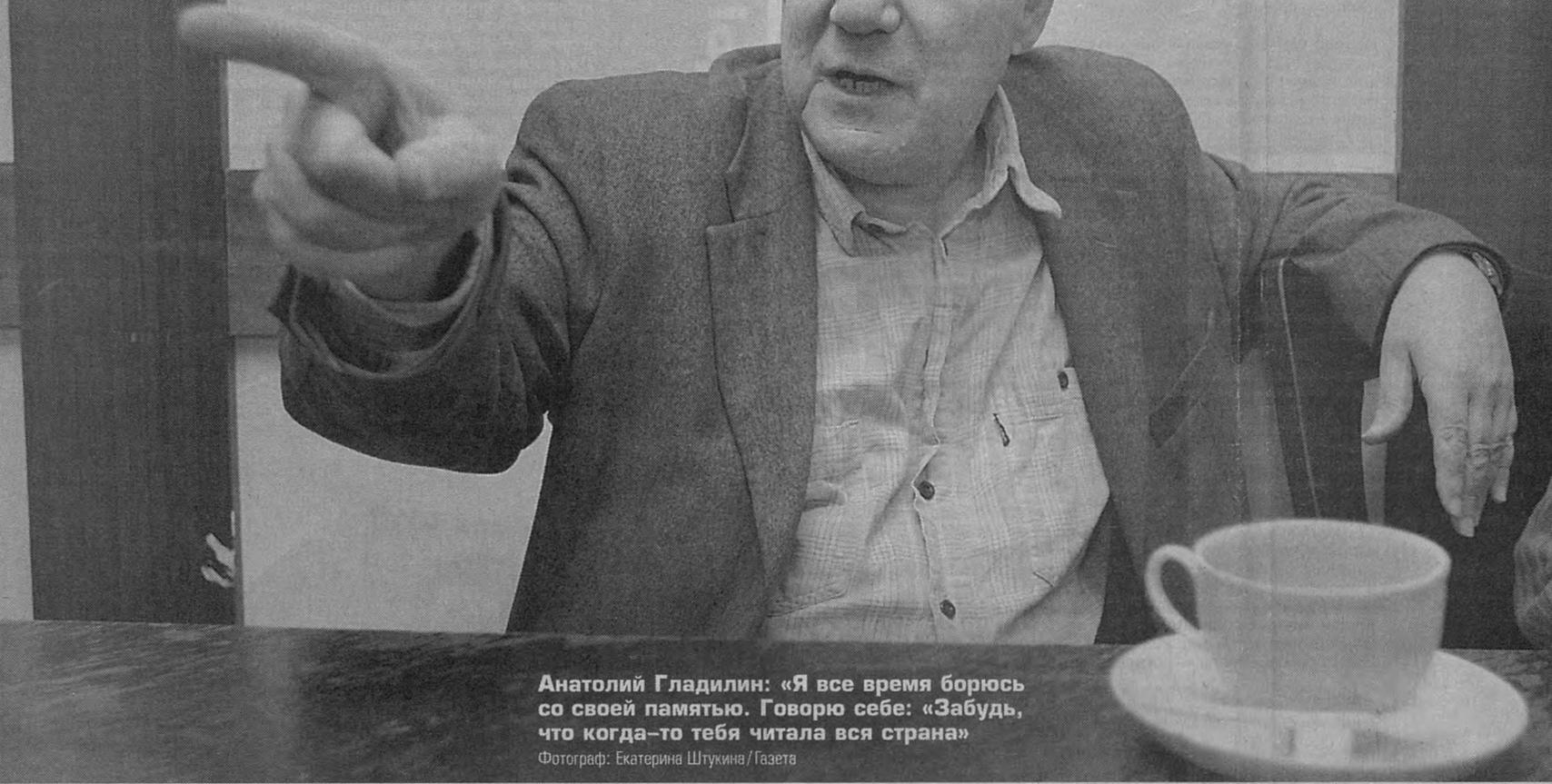

«Уже вернувшись в Париж, я читал в русских газетах и про Володю Максимова, и про Васю Аксенова, что у них есть комплекс не востребоваемости. И понял, что раз у Аксенова комплекс, то куда ж мне лезть»

Анатолий Гладилин — Газете

персона

«Моя лучшая книга уже позади»

Анатолий Гладилин: «Я все время борюсь со своей памятью. Говорю себе: «Забудь, что когда-то тебя читала вся страна»

Фотограф: Екатерина Штукина / Газета

Появление в 2001 году книги знаменитого писателя Анатолия Гладилина «Тень всадника» прошло почти незаметно. Не вызвало ажиотажа и переиздание книги в «Олма-Пресс» полгода назад. Теперь Анатолий Гладилин приехал в Москву, чтобы лично представить «Тень всадника» русскому читателю на предстоящей книжной выставке Non/fiction. С Анатолием Тихоновичем встретилась и побеседовала корреспондент Газеты Мария Терещенко.

Странно получается: вы известный писатель, а между тем найти ваши книги, особенно ранние, — целая проблема. Даже в библиотеках ничего нет... Я спрашивала в своей районной.

Когда я уехал, все мои книги были изъяты из библиотек и уничтожены методом мелкой резки. В Советском Союзе не сжигали книги — это не гитлеровская Германия, — а заставляли библиотечкарей вручную их резать, и потом сдавать под расписку — это чтобы домой не уносили.

Ведь все равно же умудрялись уносить? Но это строго каралось. Я однажды даже пытался защитить директора ялтинской библиотеки. Ее выгнали с работы за то, что она не уничтожила, а спрятала и унесла домой мою книгу «Евангелие от Робеспьера».

Я выступил по радио — по вражеским голосам — и начал задавать наивные вопросы: «В чем дело? — спросил я. — «Евангелие от Робеспьера» было выпущено «Политиздатом». «Политиздат» — это издательство ЦК партии, а книга вышла в серии «Пламенные революционеры». Так в чем же дело? Что, Робеспьера исключили из списка пламенных революционеров? Или ЦК партии допустило ошибку? Как могли выгнать человека с работы за то, что он не уничтожил книжку, выпущенную издательством ЦК партии?» Потом, во времена перестройки в «Известиях» вышла статья, где сообщалось, что все ранее запрещенные авторы, такие как... Дальше шло перечисление: начинался список с Солженицына и включал вашего покорного слугу, — все авторы вынуты из спецхранов и доступны для читателя. Это было действительно так: большие библиотеки книги складывали в спецхраны, и когда приходило разрешение, переместили их в общий доступ. А в маленьких библиотеках книг не осталось.

Как проходило ваше возвращение на родину?

Мне оно показалось триумфальным. Мне выдали визу — еще советскую — вскоре после августа 1991 года. Мой приезд совпал с выходом моей книги «Меня убил скотина Пелл», которую издательство «Слово» выпустило огромным тиражом в сто тысяч экземпляров (на тот момент это был огромный тираж). Рецензия, вышедшая в «Известиях», начиналась на первой полосе с моего портрета. И, поверьте мне, так же, как вы сегодня, здесь каждый день сидело телевидение, и было даже два случая, когда одна группа телевизионщиков брала интервью, а следующая ждала на лестнице. Но меня тогда поразила одна вещь. Несмотря на весь этот

торжественный прием, мне никто не предложил приехать в Москву и работать. А у меня ведь не только большой опыт в радиожурналистике, но и опыт человека, прожившего в другом мире. Только одна юная девушка с радио, делая со мной интервью, закончила его словами: «Возвращайтесь, пожалуйста, маэстро». Потом я понял, что это — норма. Уже вернувшись в Париж, я читал в русских газетах и про Володю Максимова, и про Васю Аксенова, что у них есть комплекс не востребоваемости. И понял, что раз у Аксенова комплекс, то куда ж мне лезть. В общем, когда вернулся в Париж, я решил, что было такое вот «триумфальное возвращение», но больше этого не повторится. Что больше мне в Россию ездить нечего — только впечатление испорчу.

Но ведь вы в итоге писали для российских СМИ?

Это уже потом. Мне позвонили из «Московских новостей» и сказали: «Анатолий Тихонович, давайте вы будете присылать нам в месяц по письму хотя бы на две странички». Я сначала хотел отказаться. Но мне назвали гонорар — это было больше того, что я зарабатывал на тот момент на «Немецкой волне», — и я согласился. Я проработал с «Московскими новостями» года четыре. Потом был дефолт, они оказались без денег, и я уже писал для них, только когда мне самому хотелось что-то напечатать. А после того, как они так по-хамски обошлись с Виктором Лошаком, нагло его прогнав, я уже с новым начальством не работаю. А с «Российской газетой» я работаю до сих пор. Они каждую пятницу печатают отрывки из моей публицистической книги «Господа преступники, добро пожаловать во Францию».

С чего началась новая волна интереса к вашим книгам у наших издателей? Сейчас же идут переиздания...

Мною опять заинтересовались благодаря тому, что «Тень всадника» хорошо прошла. «Вагриус» издал «Большую беговую день» и «Французскую Советскую Социалистическую Республику». Другое издательство собиралось переиздавать мои ранние книги. Предложили выпустить «Историю одной компании». Был у меня такой роман, довольно известный. Совсем недавно я участвовал в передаче на радио, и сотрудники радио мне рассказывали, что в юности по примеру «Истории одной компании» они в школе тоже устраивали компании, давали друг другу такие же клички. Но с переизданием «Истории» ничего не получилось. А полгода назад в «Олма-Пресс» вышло переиздание «Тени всадника». Это случилось во многом благо-

даря инициативе редактора из «Олимпа» Елены Дмитриевой, которая перешла работать в «Олма» и убедила их сделать эту книгу. Правда, у них «Всадник» появился в несколько сокращенном виде.

После «Тени всадника» стало хоть сколько-то появляться ощущение, что вы снова востребованы?

Понимаете... Я все время борюсь со своей памятью. Говорю себе: «Забудь, что когда-то тебя читала вся страна». Я был самым молодым членом Союза писателей. Начал печататься в двадцать лет, и самая первая вещь принесла мне большую популярность. Это была «Хроника времен Виктора Подгурского», напечатанная в журнале «Юность». И когда в «Юности» выходила моя новая повесть, я знал, что зайду в вагон метро и увижу как минимум двух человек, которые меня читают. Такого уже никогда не повторится. Вот если я появляюсь по телевизору, то сразу все обо мне вспоминают, начинаются звонки и прочее. Но даже если газетная статья... Мне кажется, что трагедия не только с книгами, но и с газетами происходит. Когда я согласился для «Московских новостей» писать, еще было ощущение, что это читают. А потом — пустота. Так вот и с книгами. Теперешние мои тиражи по сравнению с тем временем — это смешно. Но, с другой стороны, я понимаю, что так все и должно быть. А на Западе как русские книги выходили? Ну максимум тысяча экземпляров.

Но «Тень всадника» — потенциальный бестселлер. В ней все для этого есть: и увлекательный сюжет, и загадка, и напряженная любовная история.

Понимаете, почему еще появилась «Тень всадника»? Я подумал, что у каждого из моего поколения есть какая-то главная книга. Так, Войнович всегда будет в первую очередь автором «Солдата Чонкина». У Васи Аксенова много хороших книг, но «визитной карточкой», наверное, можно назвать «Ожог». У Андрея Битова — «Пушкинский дом», у Жоры Владимова — «Генерал и его армия», у Толи Приставкина — «Ночевала тучка золотая». У меня же такой книги не было. Я девятнадцать лет сеял по радиоголосам «разумное, доброе, вечное», лучшие годы на это ухлопал. А теперь я могу говорить, что моя главная книга — это «Тень всадника». Я могу ею гордиться. Поэтому я старался сделать так, чтобы люди читали, чтобы книга доставляла им удовольствие. И я очень внимательно следил за тем, чтобы был захватывающий сюжет. Время, когда мы могли писать бессюжетную прозу, и она прекрасно читалась, прошло. Сейчас такую книгу прочитают от силы двадцать человек. Так что нужно думать о читателе.

То есть вы долго сидели и придумывали, о чем бы вам написать свою главную книгу? Как начиналась «Тень всадника»? Начиналась с того, что я после книги про «скотину Пелла» ничего не писал. Мне стыдно было в этом признаться, и когда ме-

ня спрашивали, я говорил, что задумал такую-то книгу или начал такую-то. На самом деле я ничего не писал, кроме очерков. И думал, что ничего больше не напишу. Но в одно прекрасное утро я открыл глаза и час или полтора пролежал без движения, потому что вся эта прекрасная книга вдруг закрутилась у меня в голове. Вся целиком, с начала до конца. Как в старые добрые времена. Обычно писатели говорят, что лучшая книга у них впереди, но я знаю точно, что моя уже позади. Мне так больше просто не повезет, чтобы так все совпало. Чтобы я нашел героя, который бы жил двести лет в разных ипостасях, чтобы через него можно было наблюдать всю эту лабораторию: что делает с человеком власть, что делает с человеком система, что делает с человеком жизнь. И, конечно, один из важных вопросов, что делает с мужичиной женщина. Мой герой в одной из своих жизней был королем, и у него был «шведский стол», на котором присутствовали все лучшие женщины Швеции. И тем не менее начинается у него все с трагической любви и заканчивается все трагической любовью. В общем, чтобы еще раз все так закрутилось — такого уже не будет.

Вы долго писали «Тень всадника»?

В молодости я писал очень быстро. А на «Тень всадника» понадобилось четыре года. Я ушел в Париже в подполье, работал без выходных и праздников, писал от руки, ручкой. Более того, эту книгу я писал так, как учил меня Валентин Петрович Катаев. Он говорил: «Толка, книги надо переписывать». И лучшую свою прозу он писал от руки, а потом ручкой переписывал. И то же самое я сделал с «Тенью всадника».

Компьютером принципиально не пользуетесь?

Возможно, это уже возрастное. Мне компьютер не нужен. Конечно, компьютер и Интернет облегчают жизнь, но... Мне очень нравится история, рассказанная в свое время Генри Киссинджером. Однажды он попросил свою секретаршу (он уже не был госсекром) дать какую-то справку по поводу Шульца. Она спросила: «А кто это такой?» Он жутко разозлился: «Что ж это такое, вы совсем не знаете истории Америки, Шульц — государственный секретарь, который был после меня». Она фыркнула и через 15 минут принесла кипу материалов, из которых Киссинджер узнал много нового и интересного про Шульца. «Но, — завершал свою историю Киссинджер, — я совсем не уверен, что она запомнила, кто такой Шульц. Раз эта информация так легко добывается, то зачем ее держать в голове?» Хотя, возможно, это старческое ворчание.

Насколько точно в «Тени всадника» переданы исторические события? Вообще, несмотря на то, что много нафантазировано, я очень держусь за историческую точность. Я ходил в библиотеку и чи-

тал специальные книги о том, какая форма была у французских кавалеристов, у французских пехотинцев. Я чуть было не опозорился (хотя в России это вряд ли бы кто заметил): по каким-то причинам я был уверен, что маршал Ней — брюнет с черными усами и бакенбардами. Потом я подумал: а откуда я это знаю? Пошел в библиотеку, взял книжку про Ней: оказывается, он блондин без усов и бакенбардов. Наверное, это старая школа во мне говорит. Раньше от литераторов требовалось знание предмета, и это была совсем не плохая система.

А с чем связан ваш особый интерес к Французской революции?

Он начался, когда меня закрыли как современного писателя. После выхода «Истории одной компании» у меня должна была быть премьера в вахтанговском театре с молодой еще Марианной Вертинской в главной роли, шли радужные предложения по поводу издания повести отдельной книгой. Тогда же был съезд комсомола. И первый председатель ЦК комсомола товарищ Павлов на этом съезде выступил с программной речью, где говорилось, что воспитанию молодого поколения в коммунистическом духе мешают происки американского империализма и книги писателя Анатолия Гладилина. За этим следовали две цитаты из «Истории одной компании». Моментально все двери для меня закрылись, отменили премьеру, отменили выход книги. Меня вызвали в ЦК — хотя я не был членом партии — и сказали, чтобы я прекратил заниматься литературой и занялся переводами. Тогда же открылась серия «Пламенные революционеры». И в эту серию пришло много хороших писателей: Трифонов, Войнович, Аксенов. Выяснилось, что в ЦК партии нет цензуры. Они считали, что они сами с усами, а что такое подтекст, они не понимали. Я взял Робеспьера и написал книгу, по поводу которой получал от читателей самый почетный вопрос того времени: «Как пропустили?» Тогда-то я и заинтересовался Французской революцией. В конце этой книжки отдельной главой неожиданно появляется Сент-Жюст. С этой главы и начинается основное действие «Тени всадника». Конечно, во «Всаднике» все немного иначе. В «Евангелии от Робеспьера» нет сцены, где Сент-Жюст спасает Наполеона. Это не документальный эпизод. Но известно, что у Наполеона после Тулона были неприятности: его собирались за что-то судить. Это был самый разгар террора, и он вполне мог попасть под нож гильотины. Кто его вытащил — неизвестно. Возможно, действительно Сент-Жюст, который тогда был вторым человеком во Франции.

И все же, вы чувствуете, что на ваши книги сейчас, выражаясь современным языком, есть спрос?

Знаете, когда «Тень всадника» напечатала первый раз — в «Олимпе», — она вышла очень хорошим тиражом. Но странная вещь: как я ни спрошу в магазине — книги нет. Потом уже моя редактор отвела меня в сторонку и сказала: «Анатолий Тихонович, что вы все допытываетесь, как книга продается? Вам предлагают новые контракты, вам платят хорошие деньги, значит, издатель доволен тем, как она продается». И после этих слов я успокоился. А тогда вначале я поинтересовался у главного редактора: «Миш, говорю, а почему «Всадника» в магазинах нет?» Он говорит: «Почему нет? Пойди на Арбат, там есть маленький магазин от нашего издательства, и там книга точно должна быть». И мы с Пашей Катаевым заходим в этот магазин, стоят книги «Олимпа», но «Всадника» опять же нет. Мне самому как-то спрашивать неудобно, и я говорю: «Паш, спроси». Он спрашивает продавца: «А есть у вас книга Анатолия Гладилина «Тень всадника»?» И дальше происходит сцена — кланяюсь, я ее не придумал, у меня есть свидетель... — продавщица замирает, обводит нас изучающим взглядом и классическим жестом опытной советской продавщицы достает книжку из-под прилавка.

газета

прогноз на вчера

Анатолий Гладилин (родился в 1935 году) вместе с Василием Аксеновым считается одним из основателей «молодежной прозы». Гладилинская «Хроника времен Виктора Подгурского» вышла в «Юности» в 1956-м и мгновенно принесла тогда еще совсем молодому автору всеобщую известность. Но популярность продлилась недолго. После «Истории одной компании» Гладилина перестали печатать, и в 1976-м писатель эмигрировал во Францию. В эмигрантских издательствах вышли его романы и повести «Прогноз на завтра», «Большой беговой день», «Французская Советская Социалистическая Республика» и «Меня убил скотина Пелл» — книга, рассказывающая об эмигрантах третьей волны.